

УДК 130.2

Габриелян О.А.

МИФОТВОРЧЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ

I.

"Уже написаны "Мифы народов мира". У нас и воздух пахнет архетипом. По пояс в мифе, по горло в истории, по маковку в лучшем из миров, стоим, дрожа, дожидаясь жениха очередного. "Девочке нужен хороший психоаналитик", - сказал бы со вздохом старый домашний доктор. Где же он? "

(Шевелев И. Философия на марше. Межи и промежности. // Независимая газета. 27.05.94)

Социальный мир, в который мы погружены, с одной стороны, безусловно, объективен, с другой — творится нашим сознанием. Достаточно вспомнить, что когда мы сталкиваемся с малознакомой нам культурой, то необходимо время, чтобы осмыслить новую реальность, "перевести" ее в термины нашей собственной культуры. Если бы в созидании культуры участвовали только природа и ее объективные законы, то, очевидно, мы не имели бы того многообразия цивилизаций, о котором свидетельствует и прошлое, и настоящее. Это многообразие творится народами как субъектами истории и, следовательно, субъективно. Созданное их сознанием и волей превращается в реальность. Она имеет очень важное для них значение. Думаем, никто не будет оспаривать значимость ценностей культуры для народов, их создавших. Вряд ли найдутся оппоненты, которые поставят под сомнение духовную составляющую культуры. Однако именно эта компонента культуры определяет ту реальность, которая, трансформируясь, преобразует мир неочевидным образом. Здесь мы имеем в виду миф, без которого не мыслим ни народ, ни культура.

Мы полностью солидарны с французским литературоведом и семиологом Роланом Бартом, когда он пишет: «Стимулом к размышлениям чаще всего служило чувство раздражения, вызываемое тем флером «естественности», которым наша пресса, искусство, обыденное сознание непрестанно окутывают реальность; но ведь эта реальность не перестает быть глубоко историчной только оттого, что она наша собственная реальность: одним словом, я испытывал настоящие муки, видя как люди, повествующие о современности, ежесекундно путают Природу с Историей: глядя на праздничные витрины *само-собой-разумеющегося*, мне хотелось вскрыть таящийся в них идеологический обман.

Лучше всего, как мне показалось с самого начала, передает суть всех этих лжеочевидностей понятие мифа; в то время я вкладывал в слово «миф» вполне традиционный смысл, хотя уже тогда у меня сложилось твердое убеждение, из которого я попытался извлечь все логические выводы: миф – это своего рода язык» [1, с.46]. Посредством его мы осмысляем мир, структурируем и систематизируем его в описании.

Тезис, который мы здесь утверждаем и хотим обосновать, звучит следующим образом: глобальный социальный кризис – это прежде всего кризис мифа, господствовавшего в данном обществе. Преодолеть этот кризис – значит создать новый миф. Поэтому понять смысл происходящих преобразований можно не только, наблюдая за экономическими показателями общественного развития, но и за успехами нового мифотворчества.

Базовым определением мифа для нас является то его толкование, которое дает А.Ф.Лосев: " Короче говоря, миф - такая диалектически необходимая категория сознания и бытия (1), которая дана как вещественно-жизненная реальность (2) субъект-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимодействия (3), где отрешенная от изолированно-абстрактной вещи жизнь (4) символически (5) претворена в до-рефлексивно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергичный лик (6). Еще короче: миф есть интеллигентно данный (3) символ (4-5) жизни (2,6), или – символически данная интеллигенция жизни. Наконец, чтобы не оставить места никакому упреку в неясности, можно принять во внимание, что под "жизнью" здесь мыслится просто категория осуществления той или иной интеллигенции. И тогда определение мифа будет такое: он - символически осуществленная интеллигенция. Я же утверждаю, что *личность* и есть символически осуществленная интеллигенция. И потому вот наикратчайшее резюме всего предыдущего анализа, со всеми его отграничениями и подразделениями: **миф есть бытие личностное** или, точнее, *образ бытия личностного, личностная форма, лик личности*" [2, с.74]. Очевидно, что личностью здесь может выступать народ, и тогда его личностная форма бытия и есть миф.

Такое определение не совсем совпадает с обыденным пониманием слова "миф". Дело в том, что религия (богословие) и наука (политология, социология, этнология

и др.) во всем постсоветском пространстве претерпевают в настоящее время некий ренессанс. И вольно или невольно, адаптируясь к массовому сознанию, они вынуждены считаться с ним и определять миф как выдумку, фикцию, фантастический вымысел. *У философии, обладающей потребностью творить одновременно множество систем, как миры, есть возможность не согласиться с общепринятым толкованием именно для того, чтобы лучше понять явление и дать его, может быть, "неевклидовую" интерпретацию. А в ней миф есть самая "подлинная и максимально конкретная реальность", "трансцендентально-необходимая категория жизни и мысли", конечно, именно для мифологизированного сознания. Здесь я готов утверждать, что собственно иного сознания и нет в реальности.*

Предлагаемый нами подход в понимании мифа имеет свою традицию. «Уже полвека западноевропейские ученые исследуют миф совсем с иной позиции, чем это делалось в XIX веке. В отличие от своих предшественников они рассматривают теперь миф не в обычном значении слова как «сказку», «вымысел», «фантазию», а так, как его понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал как раз наоборот «подлинное, реальное событие» и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания. Но это новое значение слова «миф» делает его употребление в современном языке достаточно двойственным. И в самом деле, это слово употребляется в наши дни, обозначая как «вымысел», «иллюзию», так и «священную традицию, первородное откровение, пример для подражания», что близко и понятно, прежде всего, этнологам, социологам и историкам религии» [3, с.5].

Миф только по форме напоминает выдумку, на самом же деле это самая реальная по переживанию и творению действительность. Он эмоционально нагружен, жизнен и поэтому экзистенциален. *Миф можно рассматривать как экзистенциал – феномен и понятие, определяющие существование человека в мире.* Облеченный в слово миф может показаться нам всего лишь мысленной, идеальной конструкцией. Но это не так. Анализируя лексику "застоя", и сравнивая ее с лексикой "демократии", мы можем без труда обнаружить, что в "гуле языка" (Р. Барт) слышится дыхание времени. Лексика эпохи как бы творит ее и здесь очень трудно, а, скорее всего, невозможно определить, что порождает что: слова - эпоху или эпоха - слова. Такая нерасчлененность объясняется тем, что *в словах-символах оформляется миф, которым живет общество. Чтобы понять, насколько это важно для человеческого существования, а, в конечном счете, и для народа в целом следует, может быть, повнимательнее присмотреться к пониманию истины людьми. Ведь очевидно, что они действуют, исходя из своего представления об истине, а не по критериям научной объективности, тем более, что и сами последние в основе своей мифологичны¹.* Собственно все рассуждения о том, что наука разрушает мифы, неверны. Конечно, наука исследует

и объясняет мифы, но и только. *Внутренняя логика развития приводит к смене социальных мифов. На место старому мифу приходит новый. Миф коммунизма сменяется мифом цивилизованного капитализма. Наука не в состоянии разрушить мифы, так как они действуют как бы в перпендикулярных мирах там, где речь идет об истине.* Вот как точно пишет об этом С.Кьеркегор в своем дневнике: "... Что мне действительно необходимо, - понять, что я должен делать, а не то, что я должен знать (хотя, в определенной мере, понимание должно предварять любое действие). Вопрос в том, чтобы понять самого себя, понять, для чего предназначен я Богом, вопрос в том, чтобы найти истину, истину для меня, найти то, для чего я смогу жить и умереть. Что толку в обнаружении так называемой объективной истины, пригодной для всех философских систем и способной, если потребуется, проверить их все и обнаружить несообразности внутри каждой; что пользы мне в возможности развить теорию государства, собрать все детали в единое целое, создав, таким образом, мир, в котором бы я не жил, но лишь являлся перед глазами окружающих; что пользы, если я смогу объяснить значение христианства, но это не имеет глубочайшего значения для меня и моей жизни; что толку, если истина предстанет передо мной холодная и нагая, не заботясь о том, узнаю ли я ее, заставляя меня дрожать от страха, но не пробуждая доверчивой преданности во мне? Я, конечно, не отрицаю, что признаю императив понимания и что, только принимая его, можно воздействовать на людей, но истина должна быть принята всей моей жизнью. Это и есть то, что я теперь полагаю наиболее важным вопросом"[4, с.136]. Очевидно, что *человек руководствуется такой экзистенциальной истиной, которая говорит ему, как поступать, что делать, как осуществлять выбор принципиально важный для его жизнедеятельности. Ни на один из этих вопросов объективная научная истина не отвечает, более того она может быть полезна только тогда, когда перестает быть истиной теоретической и вовлекается в жизнь, в миф. В последнем же вообще не может возникнуть вопроса о такого рода истине. Тем более, лишается смысла вопрос о реальности мифа. Человек живет в нем и с ним и уже поэтому миф реален, а мифические явления могут различаться только степенью своей бытийной напряженности.* Все эти рассуждения обретают более обоснованный и прагматический вид, как только мы обращаем внимание на фантомы, с которыми живут люди, как они увлекаются демагогами от политики, как до самоотречения верят тому или иному харизматическому лидеру, который вдруг здесь и сейчас предстал перед ними живым ... идолом.

Миф не только нейтрален по отношению к науке, но и к морали. Его нельзя оценивать с точки зрения морали. Он не может быть ни плохим, ни хорошим. У него иная функция. Она позитивна. Он предлагает модели мироустройства и тем самым придает смысл и значимость человеческому существованию. *Миф выполняет регулятивную функцию.*

Миф, безусловно, ориентирован на сохранение традиции, но в этом пункте есть момент, существенно разнящий современного цивилизованного человека и представителя архаического общества. Для первого события необратимы, второй же считает, что они могут повториться посредством ритуала. Но в контексте тех проблем, которые мы рассматриваем в статье, важно и то, что сознание находится в постоянном мифотворческом процессе: воспроизведении и сохранении мифа, или мифологическом осмыслении и освоении реальности. Именно в этом смысле мы отметили выше вопрос о создании новых мифов. Собственно они имеют только новую форму. Архетипические основания у них те же, что и у очень далеких наших предков.

Особенно явно процесс мифотворчества наблюдается при радикальном изменении социальных устоев общества, во времена перемен. «Миф оказался превзойденным лишь после открытия Истории, точнее после пробуждения исторического сознания в иудеохристианстве и расцвете этого сознания у Гегеля и его последователей, только после радикальной ассимиляции того нового способа бытия в меру человеческого существования. Но вряд ли можно говорить об уничтожении мифологического мышления. ... Оно выжило и сохранилось, хотя и радикальным образом изменившись. И парадоксальнее всего, что выжило и сохранилось оно прежде всего в историографии» [3, с.117]. Перманентность мифотворчества и преодоление его Историей представляют противоречивую специфику сознания современного человека. В политической действительности это обретает своеобразные формы. Например, поиски «благородного происхождения». «Народ без истории (то есть без исторических документов и историографии) как бы не существует». Эти идеи получают распространение в историографии народов центральной и восточной Европы. Подобная страсть являлась, несомненно, следствием пробуждения национального чувства в этой части Европы и очень скоро превратилась в инструмент политической борьбы и пропаганды. Желание доказать «благородное происхождение» и «древность» своего народа распространилось на юго-востоке Европы до такой степени, что все историографии, за редким исключением, ограничивались национальной историей и в конце концов, привели к самому настоящему культурному провинциализму» [3, с.182]. Собственно любой аспект политической действительности, а тем более идеологии может быть прекрасно проанализирован предлагаемой методологией. Она отнюдь не нова. Мы встречаем ее у З.Фрейда и К. Г.Юнга и у многих более поздних авторов².

Возможно, в отличие от них мы пытаемся систематичнее и последовательнее применить ее к анализу именно политики. Поэтому, безусловно, мы не можем не отметить замечания М.Элиаде (и не только его) о марксизме как эсхатологическом и миллениаристском построении. Маркс использовал один из самых распространенных эсхатологических мифов средиземноморского-азиатского мира – миф о справедливом герое-искупителе. Он обогатил его элементами мессианской (роль

освободителя пролетариата) и иудейско-христианской идеологии (борьба Добра со Злом, Христа с Антихристом). Еще более интересными являются выявленные исследователями факты воздействия средств массовой информации на сознание людей путем использования мифологических элементов. Персонажи комиксов, герои фильмов являются современной версией, как сказал бы Юнг, одних и тех же архетипов. Именно в этом аспекте есть больше всего оснований говорить о СМИ как четвертой власти. Посмотрите, как в визуальном пространстве телевидения создаются и низвергаются политические деятели, партии и блоки. Безусловно, лидер должен обладать определенными личностными характеристиками, но кроме этого он (или другие) должен строить свой образ так, чтобы этот образ совпадал с архетипами коллективного бессознательного.

Миф символичен и в этом смысле может быть схематичен или аллегоричен. Но символика мифа не противоречит его реальности, конкретности, субъективности. Вот пример: два флага - белый и красный. Будучи символами, они поднимают в нашем сознании и памяти очень глубокие пласты, и разве мы можем не признать их реальности и значимости для нас. Если эти символы всего лишь фикция, то почему парламентарии поднимают белый флаг и доверяют свою жизнь ему. Гибли тысячи людей, защищая другой флаг. Очевидно, что осмысленная символика цвета создала культуру даже там, где все направлено на уничтожение человека — культуру ведения войны. (И Нюрнберг или Международный трибунал в Гааге - это тоже факты этой культуры.) Осмысляя данную нам вещь или явление непосредственно, напрямую, мы как бы маркируем ее символически. Потом мы можем осмыслять ее научно, религиозно и т.д., но она уже нами понята, включена в "семиотическое поле", окультурена. Это и есть процесс создания мифа и шире — культуры.

По сути, все наши предыдущие и последующие рассуждения о мифотворчестве человека, как представителя определенного социума (народа, нации, этноса), обозначены координатами философских понятий *zoon politicon* у Аристотеля и *zoon symbolicon* у Кассирера. Для Кассирера нет действительности вне символических форм. Только через них возможен доступ к "идеальному миру", который открывается через религию, философию, искусство, науку, политику и т.п. Такой подход позволяет понять актуальность и значимость современного мифотворчества в процессе обуздания социального хаоса.

Резюмируя открытия философии мифа, мы скорее согласимся с теми исследователями, которые отстаивают *принципиальное единство логики мифа с логикой современного мышления*. (Это отнюдь не противоречит приведенному выше утверждению о его специфике.) С такой точкой зрения мы сталкиваемся у Леви-Строса. Различия между первобытным и современным мышлением он видит не в недоразвитости первого, не в формах и принципах мышления, а в том, что для логического умозаключения берутся разные основания. «Может быть, в один

прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково «хорошо». Прогресс – если этот термин по-прежнему будет применим – произошел не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделенное мыслительными способностями, и в котором оно в процессе долгой истории сталкивалось со все новыми явлениями» [5, с.207]. Не умаляя ум современного человека, тем не менее, можно утверждать, что при мифотворчестве он функционирует как ум первобытного человека, то есть, нарушая и обходя законы формальной логики. Он не замечает логических противоречий, допускает нарушение закона исключенного третьего, свободно манипулирует причиной и следствием и т.п. Принцип сопричастности, эмоционального единства оказывается для него важнее истины или правил логики, посредством которых она достигается. “Динамическая структура мифа есть структура метаморфозы его образов и их движения по кривой смысла. Это и есть собственно Логика мифа” [6, с. 8]. Она основана на воображении, на имагинативной способности сознания. С высоты достижений нашего ума мы иногда снобистски пренебрежительно считаем эту способность не главной, детской. На самом деле: “Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного. Вычеркнуть ее можно только с истиной. ... Деятельность воображения ... высшая форма мышления, как деятельность одновременно и творческая и познавательная” [6, с. 9,12]. И далее: “...Там, где в мире действительном проявляется причина и действие согласно законам естественной необходимости, там в мире воображения, в мифе, имеется в латентной форме основание и следствие, порожденные и связанные между собой только абсолютной свободой и силой желания, то есть творческой волей воображения, играющего роль естественной необходимости. “Так хочет” моя логика – таков закон необходимости в творческом желании” [6, с. 17]. *Поэтому никакие доводы не вовлеченных в процесс мифотворчества не доходят до тех, кто увлечен своим желанием – стать нацией, достроить себе древнюю родословную, расширить тезаурус своей культуры за счет других народов и т.п.*

Но почему мы нуждаемся в мифе и постоянно творим его. Ответ снова находим у Р.Барта: «Дело в том, что идеологизация и ее противоположность, вероятно, представляют собой все те же магические типы поведения, вызванные слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира» [1, с. 130]. *В политике мифотворится настоящее и предлагается народу.* Если политики это делают в соответствии с ментальностью народа, его ожиданиями, то достигается внутренняя политическая стабилизация, преодолевается страх социального хаоса, что ведет, несомненно, к процессам интеграции общества в целом.

II.

«Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее. Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую».
(Левин-Стросс К. Структурная антропология.)

По отношению к мифу могут складываться две позиции: существование в мифе, внутри мифа и осмысление его извне, по сути, с точки зрения, другого мифа. Взгляд извне означает взгляд с позиции другой культуры, с точки зрения другого мифа.

Если переносить все сказанное выше в область прикладных политических исследований, то можно утверждать, что в Крыму складываются несколько пластов мифологий общественного сознания. Это связано, прежде всего, с тем, что здесь проживают, по крайней мере, три большие этнические группы. **Подавляющее большинство так называемого русскоязычного населения (ядро составляют этнические русские) до сих пор живет в советском мифе.** Сколько бы мы не ерничали по поводу *совка*, и не отрицали реальность советского человека, он сложился как некая общность людей, которая есть сила и проблема. Имеет ли смысл давать этому факту оценки, называть этих людей манкуртами. На наш взгляд, нет, так как в этом случае мы уподобляемся унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла. Очевидно, что наш современный демократизм, национализм и любой другой «изм» не более подлинный, чем наша «советскость». А точнее - они такие же реальные, как и это последнее качество. Следовательно, чтобы окончательно преодолеть стадию политического романтизма, надо иметь в виду, что русскоязычное население в Крыму на сегодня составляет большинство и с ним надо считаться. Русская идея, обеспечившая президенту Ю.Мешкову победу на выборах, явно обозначила волю русскоязычного населения Крыма. Но это не была этнически русская идея, вектор ее имел не столько географическую направленность в сторону России, сколько временную - в прошлое, к СССР как России. Желание воссоздать Советский Союз, воссоздать единство огромной страны доминировало и доминирует в сознании большинства населения Крыма. Безусловно, мифы, с которыми живут эти люди и творят свою повседневную реальность, претерпевают определенную трансформацию и преобразуются, но процесс этот крайне сложный и длительный. Ситуации могут меняться, меняться могут политические лозунги, даже на диаметрально противоположные, однако невозможно изменить логику мифотворчества. Поэтому нет ничего удивительного, что все бывшие республики СССР развиваются почти по одинаковому сценарию.

Второй миф как реальность, с которым мы имеем дело в Крыму, это миф крымских татар о себе как коренном народе Крыма. Снова подчеркнем, что под мифом мы понимаем не обыденное толкование слова, а реальность, творимую народом по законам мифотворчества, имеющим венаучную процедуру построения и доказательства истинности. Поэтому последнее упоминание о мифе крымских татар как о коренном народе не носит оценочный характер. Мы только фиксируем то, что

реально сегодня существует - эта часть населения Крыма живет в созданном им или его элитой реальности, в которой мыслит себя как коренной народ. В настоящее время это не меньшая реальность, чем первый миф русскоязычного населения. Конституция и законы Украины со временем наверняка определят политическое содержание понятия «коренной народ», многое, наверное, определится в документах Курултаев и Меджлиса, но главное для нас то, что это понятие становится мифологемой народа. Он начинает жить этой идеей и творить себя и свою культуру под ее сильным воздействием. И этот процесс идет безотносительно к тому, насколько оперативно законодательство Украины откликается на него или насколько эффективно исполнительная власть реализует те или иные постановления по обустройству крымскотатарского народа в Крыму.

Разные мифы, складывающиеся на одной территории в данной стране, - это основа будущих конфликтов. Если не будет создан единый миф, единая жизненная реальность, то конфликты неизбежны. Единый миф для разных этносов - это единая логика его построения и постоянный диалог по всем несопадающим пунктам, в результате которого государство, чтобы сохраниться как единое, должно иметь в каждый момент времени согласованную шкалу ценностей и как гарантию общие интересы своих граждан.

Проблема усугубляется тем, что Крым является перекрестком культур, местом встречи различных цивилизаций. Такие встречи не только определяют ход истории, но и придают ему динамику. Именно здесь происходит диалог культур, их взаимное обогащение. Как отмечает Сэмюэл Хантингтон, ближайшие десятилетия будут временем конфликтов, обусловленных схватками цивилизаций. Под цивилизацией он понимает высшую ступень культурного объединения людей, имеющих объективные основания общности: язык, историю, религию и в конце концов самосознание самих людей. В Крыму встретились две цивилизации: славяно-православная и исламская. Отношения между ними в целом, возможно, определяют и конкретные рамки диалога или конфронтации в Крыму. Сегодня было бы преувеличением говорить, что исламский фундаментализм активно проникает в среду крымских татар, но какими замысловатыми путями может проникнуть в их среду исламский экстремизм, предсказать не сложно. Собственно для этого достаточно выявить те общие условия, которые наблюдаются в странах, непосредственно столкнувшихся с этим явлением.

Развитие православной и мусульманской конфессий в Крыму происходит как бы в двух параллельных мирах. Я имею в виду не заявления их глав, а реальное течение внутренней жизни общин. Пока обе стороны избегают публичной политики, сосредоточив свои усилия на просвещении своей паствы. Обе конфессии активно восстанавливают храмы и мечети, посылают на учебу своих активистов. Но церковь как институт есть лишь оформление религиозности, а в исламе нет даже такой институционализации, как в православии. Безмятежность формальных отношений еще не свидетельствует о том, что нет цивилизационных разногласий или найдена приемлемая форма диалога.

В коллективном бессознательном народа, как гиперличности, «теплится и древняя идея национального превосходства. Это псевдопроблема, нерешаемая на логическом уровне – уж очень много противостоящих друг другу аргументов можно выдвинуть

при попытке к размежеванию. Тем более, неразрешима она методом насилия – в этом случае национальная боль лишь загоняется в подполье с тем, чтобы вспыхнуть с новой силой в моменты политических обострений. Возможно только компромиссное решение, основанное на поиске содружества».⁷ Оно достигается не обязательно формальным заключением договора, а непрерывным подтверждением его легитимности посредством созидания общих мифов и структур повседневности.

Примечания

¹ «Вопрос «почему» не всегда позволяет задавать и наука. Почему соединение плюса (+) и минуса (-) электричества дает искру и свет? Почему камень, подброшенный вверх, падает? И если в последнем случае наука отвечает: «В силу закона тяготения», то этот ответ столь же чудесен, как и ответ Шопенгауэра на вопрос, почему падает камень. Камень падает потому, что так хочет камень. Но почему камень, повисающий в пустоте над головой Тантала, только грозит упасть, но не падает, - почему? Потому что так хочет Зевс, отвечает миф». Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987, с. 21

² «В нашем мифологическом учении об инстинктах легко найти формулу косвенных методов борьбы с войной. Если готовность к войне проистекает из инстинкта деструктивности, то ближайшим средством будет призвание противоположного ему инстинкта, Эроса. Все, что устанавливает эмоциональные связи между людьми, должно противостоять войне. Такие связи могут быть двоякого рода. Прежде всего это отношения, подобные отношению к объекту любви – даже при отсутствии сексуальной цели. Психоанализ не нуждается в том, чтобы стыдиться, говоря о любви – ведь религия говорит то же самое: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Только это легко предписать, но трудно исполнить. Другого рода эмоциональная связь возникает через идентификацию. Все, что представляет собой для людей общезначимый интерес, возбуждает подобную общность чувств, идентификацию. На этом в значительной мере покоится здание человеческого общества». Фрейд З. Почему война? // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992, с. 266.

Список литературы

1. Барт Р. «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1989.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., 1991.
3. Олиаде М. Аспекты мифа. – М., 1996.
4. Кьеркегор С. "И это было светом его очей...". Фрагменты из дневника (1834-1842). // Новая Юность. № 2, 1993.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985.
6. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М., 1987.
7. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М., 1993.

Поступило в редакцию 18 мая 2001 г.